

УДК 94(470) «16/18»

**СИСТЕМА ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ ДАГЕСТАНА В
XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Ю.У. Дадаев,

Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

dadaevyusup@mail.ru

Аннотация: В статье на основе архивных документов, опубликованных источников, фундаментальных работ дагестанских исследователей XX–XXI вв., полевых материалов автора дается анализ структуры, содержания, функционирования органов власти и управления феодальных владений Дагестана в XVIII – первой половине XIX в.

Abstract: On the basis of the official records, published sources, fundamental works of Dagestan researchers of the 20th –21st cc., and own field data the author analyzes the structure, content, and function of regulatory and administrative authorities of Dagestan feudal domains in the 18th – the first half of the 19th cc.

Ключевые слова: дагестанские феодальные владения, хан, шамхал, уцмий, князь, султанство, бек, майсумство, органы власти, система управления.

Keywords: Dagestan feudal domains, khan, shamkhal, utsmiy, prince, sultanate, bek, maisumstvo, authorities, system of administration.

Исследованию процессов возникновения, становления и развития феодальных отношений в Дагестане значительное место уделено в работах таких видных ученых-кавказоведов как Р.М. Магомедов, Х.-М.О. Хашаев, А.Р. Шихсаидов, В.Г. Гаджиев, Х.Х.Рамазанов, Г.-А.Д. Даниялов, С.Ш. Гаджиева, М.А. Агларов, М.-С.К. Умаханов, А.С.Акбиев, Б.Г. Алиев и многих других. В них глубоко и всесторонне рассматриваются исторические процессы зарождения и генезиса феодальных отношений на территории Дагестана с момента их появления до XX в. Все феодальные владения (ханства, шамхальство, уцмийства, княжества, султанства, бекства) имели характерные для их экономической, социальной и политической сущности органы власти и управления. Цель данной статьи – раскрыть содержание системы органов власти и управления феодальных владений Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. – практический опыт которых был частично использован имамами Газимухаммадом, Гамзатбеком и Шамилем при создании органов власти и управления в государстве Имамат.

В Дагестане к началу формирования государства Шамиля были две государственно-политические структуры – феодальные владения и союзы сельских общин, которые в вопросах ведения хозяйственной деятельности (формы и методы ведения земледелия, животноводства, организации домашнего хозяйства, торговли, народных промыслов) и сложившихся традиционных социальных отношений (взаимодействия в языковой, культурной и религиозной, бытовой областях) были значительно схожи, взаимосвязаны между собой, иногда даже дополняли друг друга. В то же время в экономических, социально-политических вопросах (распределение и присвоение прибавочного продукта от экономической деятельности, формы владения земельными и другими ресурсами и их использования, организации политической власти и системы органов управления в них по сложившейся социальной структуре обществ) они значительно отличались друг от друга.

К концу XVIII – началу XIX в. в Дагестане было 20 феодальных владений (Тарковское шамхальство, Эндиреевское, Аксаевское, Костековское, Бойнакское, Сиухское, Гоцатлинское, Дербентское владения, Утамышское султанство, Бамматулинское, Эрпелинское, Карабудахкентское бийликтива, Кайтагское уцмийство, Казикумухское, Аварское, Мехтулинское, Кюринское ханства, Табасаранские майсумство и кадийство, Цахурское (Илисуйское) султанство, во главе которых стояли шамхалы, ханы, уцмии, нуцалы, султаны, князья, беки.

Каждое феодальное владение имело свою территорию, внешние и внутренние границы, административно-политическое устройство с определенным количеством городов и сел, составом населения, свою атрибутику, вооруженные силы (ополчение), сложившуюся структуру, форму, методы организации власти и органы управления. Все феодальные владения выступали как самостоятельные политические и экономические формирования со своими сложившимися веками социальными, экономическими, политическими и правовыми характеристиками основ государственности. Между собой они различались по географическому расположению, срокам возникновения и степени самостоятельности, размерам территорий, полиэтничному составу населения, уровням

развития производительных сил и производственных отношений. Одни владения были по площади территорий наиболее крупными, имели в своем составе зависимые феодальные объединения и сельские общины. Другие были экономически более развитые, держали в зависимости слабые владения. Более успешные осуществляли внешнюю и внутреннюю торговлю с соседними и другими странами. Некоторые имели в своем составе сельские общины и даже их союзы, превосходили многих по уровню развития и демократичности органов власти и управления, социальных институтов, феодализации сложившихся экономических и политических отношений.

Так, к примеру, наиболее крупными, имеющими большое историческое прошлое и политический вес не только на территории Дагестана, Кавказа, но и на Востоке и Западе, были такие феодальные владения, как Тарковское Шамхальство, Кайтагское уцмийство, Казикумухское, Аварское, Дербентское ханства, Табасаранские майсумство и кадийство. Они оказывали большое влияние на политические и военные события, происходившие в Закавказье, на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв., так как имели крепкие политические и экономические отношения разного уровня с владениями Северо-Западного Кавказа, с Российской империей, Турцией, Ираном, которые, в свою очередь, самыми разными методами, в том числе и военно-политическими, старались присоединить Северный Кавказ, включая Дагестан и Чечню, под свою власть, т.е. провести колониальный захват.

Анализ работ дагестанских ученых показывает, что в феодальных владениях Дагестана в XVIII – начале XIX вв. сложились определенные структуры организации власти и управления ею на местах. Эти органы власти и управления исторически возникали и развивались неравномерно и неодинаково. Они не сразу стали традиционными институтами управления и власти, а как верно отмечает Алиев Б.Г., «имели место издавна (традиционные институты управления. – Авт.), были характерны и для предыдущих периодов, но с определенными изменениями, связанными с дальнейшими изменениями в социально-политическом развитии феодальных владений, укреплением экономического положения, а, следовательно, влияния и власти феодальных владетелей, в связи с чем укреплялась их власть, увеличивались их управленческие права, что происходило параллельно с уменьшением прав коллективных органов управления (советов при правителях, народных сходов), превращающихся в совещательные органы при феодальных владетелях» (Алиев Б.Г., 2006. С. 353).

Власть дагестанских феодальных владетелей была наследственной и передавалась к старшему в роде. Главными помощниками феодалов были назначаемые ими же везири, которые, в свою очередь, назначали нукеров, осуществлявших военные и политические функции вместе со старшинами на местах, и командовали над ними.

Общим фундаментальным содержанием системы управления всех феодальных владений Дагестана была феодальная система управления, созданная, в первую очередь, на основе феодальной собственности, т.е. экономической, политической и военной власти конкретного феодального владения. Во всех феодальных владениях Дагестана высшим должностным распорядительным, законодательным и исполнительным лицом

являлся феодальный владетель (хан, шамхал, уцмий, султан, майсум, кадий, бек и т.д.), в руках которого находилась вся экономическая, политическая, правовая, военная и административная власть (земля, многие природные ресурсы, издание законов, судопроизводство, государственное управление, вооруженные силы, ополчение, внешние политические, торговые, экономические рычаги и т.д.). Феодальный владетель создавал органы власти и управления по своему усмотрению, прежде всего, с учетом своих личных интересов. В основе всех органов управления и власти феодальных владений движущим механизмом в историческом процессе являлись, прежде всего, экономические, политические и правовые интересы феодального владетеля, его наследников, приближенных, родственников, т.е. тех, кто выступает в качестве наследников его должности и собственности. Феодальные владетели сосредотачивали в своих руках большую часть собственности, судебную-правовую власть, внешнюю торговлю, право взимать штрафы, собирать налоги, пошлины, различные сборы, хотя сами составляли незначительную часть населения. Источниками обогащения феодальных владетелей были также доходы от наследственных владений, налоги и трудовые повинности жителей, пошлины с перевозимых через владения товаров (Кавказская война..., 2006. С. 80).

Традиционные органы управления и власти феодальных владений с самого начала их появления и функционирования в XVIII – первой половине XIX в., которые, прежде всего, нас интересуют с точки зрения исследуемого научного объекта, достаточно глубоко исследованы в работах дагестанских ученых Р.М. Магомедова, Х.-М.О. Хашаева, Г.-А.Д. Даниялова, В.Г. Гаджиева, М.А. Агларова, Х.Х. Рамазанова, А.Р. Шихсаидова, Б.Г. Алиева, С.С. Агашириновой, М.-С.К. Умаханова, М.Р. Гасанова, С.А. Лугуева, С.Ш. Гаджиевой, Т.М. Айтберова и других. За последние десять лет особое внимание этим вопросам уделяли молодые исследователи, о чем свидетельствуют 15 диссертаций, защищенных по различным аспектам социально-экономического и политического развития конкретных феодальных владений и союзов сельских общин Дагестана в XVII–XIX вв.

По этой причине, на наш взгляд, здесь нет необходимости подробно информировать о конкретных феодальных владениях и существовавших в них органах управления и власти. В связи с этим, мы считаем более интересным выделить их общие черты, схожие модели, типы, чтобы показать, какие элементы были заимствованы в своем Имамате Шамилем, какие блоки и составляющие были отвергнуты при создании модели управления и органов власти на уровне сел, аулов и сельских общин, включая и сами бывшие феодальные владения.

При этом подчеркнем особо, что по экономическому и социально-правовому положению дагестанских феодалов можно разделить на три группы. Господствующий класс в феодальных владениях Дагестана (первая группа феодалов) состоял из наследственных правителей – ханов, шамхалов, султанов, уцмиев, майсумов, нуцалов. Вторую группу класса феодалов в Дагестане составляли беки, которые по своему социально-экономическому и правовому положению стояли ниже шамхалов, ханов, уцмиев, майсумов, султанов и нуцалов. Беки несли вассальную службу, по требованию

своих феодальных владетелей, собирали ополчение, руководили ими во время похода, а также решали спорные дела между крестьянами, наказывали преступников (Кавказская война..., 2006. С. 80).

Третью прослойку феодального сословия составляли сала-уздени, нуцалчи (Аварское ханство), которые были крупными собственниками земли, пастбищ, скота, зависимых крестьян и рабов. К ним же примыкало и мусульманское духовенство (Кавказская война..., 2006. С. 81).

Очень важно отметить, что многие феодальные владетели Дагестана, как и старшины и кадии сельских общин и их союзов, в случае военных столкновений вступали в сражения с иноземными завоевателями; особо ярко это проявилось в период борьбы горцев Дагестана против их общего врага Надир-Шаха. Такая форма военного предводительства владетелей (ханов, шамхалов, уцмиев, князей и т.д.) сложилась в течение столетий, начиная со средневековья, почти во всех феодальных владениях Дагестана, в частности, в Аварском ханстве, Кайтагском уцмийстве и т.д., во главе воинских формирований, отрядов ополчения почти всегда стояли ханы, уцмии или назначенные ими визири.

Традиционный опыт функционирования системы военного управления, сложившейся столетиями в феодальных владениях и в сельских общинах Дагестана, прежде всего, в ходе создания и совершенствования управления вооруженными силами и ополчением, старался всесторонне использовать в Чечне в конце XVIII в. предшественник Имама Шамиля шейх Мансур, а также в начале XIX в. имамы Газимухаммад и Гамзатбек, стоявшие у истоков создания государства Имамат.

В первой половине XIX в. Шамиль и его сторонники не раз проявляли мудрость и организаторские способности, поднимая и сплачивая все социальные группы, народные массы разных сельских общин, их союзов, джамаатов, феодальных владений Дагестана, Чечни, Ингушетии и также Северо-Западного Кавказа на борьбу за свободу и независимость против российских колонизаторов и местных феодальных владетелей, выступавших на стороне первых, создавая новые государственные органы управления и власти, в том числе и свои вооруженные силы, гвардейские части, конницу, артиллерию, народное ополчение.

В формировании структуры вооруженных сил и ополчения они учли опыт военных формирований во всех феодальных владениях, имевших место в Аварском ханстве, Кайтагском уцмийстве, Мехтулинском ханстве и др. При этом Шамиль учитывал принципы объединения воинских отрядов каждого села, каждой общины под командованием местных предводителей, местных феодалов и беков, деление их на десятки, 50, 100 и 1000 воинов и т.д. Поэтому среди командного состава и непосредственных организаторов – руководителей воинских формирований и ополчений – было немало выходцев из состоятельных феодальных, бекских, узденских тухумов.

Здесь следует отметить, что сама Российская империя, методы ее колониальной политики, направленные против единства разных обществ Дагестана и Чечни, на разделение и эксплуатацию горцев и, напротив, приверженность кавказских народов к свободе и независимости способствовали сплочению и объединению разных обществ и этнических групп в защиту своей свободы отчасти на основе ислама. Магомед Ярагский и его ученики (Газимухаммад, Гамзатбек, Шамиль) считали любовь к свободе и независимости народов Кавказа, прочно соединенную с исламом, основным инструментом объединения горцев. Как подчеркивает Ф. Боденштедт, «религия стала огнем, от жара которого разнородные элементы, очистившись, слились воедино, стала раствором, который продолжительное время соединял раздробленные обычаями, верованиями и наследственной ненавистью племени Дагестана, стала в конечном итоге мощной пружиной, объединяющей силы этих народов» (Боденштедт Ф., 1996. С. 14).

Имамат привлекал и объединял всех людей, независимо от социального происхождения, этнической принадлежности и имущественного положения.

Поэтому среди видных сподвижников Шамиля, государственных деятелей командования вооруженными силами государства Имамат, среди известных наибов и мудиров, которые были руководителями воинских формирований, ополчений и отдельных родов войск, были такие влиятельные лица, как Хаджимурад и Фатали, Альбури из Хунзаха, Магомедбек из Тарки, Абакар-Хаджи из Акуша, Баширбек из Кумуха, Даниял-Султан из Елису, Ташав-Хаджи из Эндирея, Галбац-Дибир из Карата, Магомед-Амин из Гонода, Шуаиб из Центороя, Идрис из Эндирея, Магомедмирза Анзоров из Кабарды и другие, которые сами были феодалами или представителями феодальных родов.

В то же время многие феодальные владения включали в свой состав и союзы сельских общин. Сельские общины в составе разных феодальных владений имели соответственно разные правовые статусы. Их положение различалось по уровню использования общинных земель, пастбищ и другой собственности, организации власти и управления на местах, по судопроизводству, по размерам и формам повинностей и других форм зависимости. Во многих из сельских общин, как отвечает в своей работе Б.Г. Алиев «феодальные владельцы выступали как верховные правители и их территорий, как части общего владения, ... не вмешивались во внутреннее управление союзов сельских общин, как местных органов общинного и союзного управления. Но управление подвластных сел находилось под властью феодальных владельцев» (Алиев Б.Г., 2006. С. 353).

До вмешательства российских колониальных сил в каждом из этих владений, как в центре, так и на местах, сложилась в определенной степени схожая и в то же время своеобразная традиционная система государственного управления и организация власти. Как известно, в первой половине XIX в. российские власти на Кавказе, в том числе в Дагестане и Чечне, вмешивались в управление феодальными владениями, «хотя они в своих интересах в целом и оставляли его в прежнем состоянии, что отвечало их планам привлечения феодальных владельцев на свою сторону» (Алиев Б.Г., 2006. С. 185–186). В то же время российские власти вносили свои изменения и вводили другие формы и

методы управления в сложившуюся систему управления органов власти феодальными владениями, когда они не отвечали их интересам.

Как правило, колониальные власти в одних случаях заменяли неугодных им феодалов другими, ограничивали власть отдельных из них, назначая к ним своих агентов-контролеров из числа русских офицеров, в других случаях вообще упраздняли феодальное владение с ликвидацией на данной территории традиционных форм, устанавливая новую российскую, военную власть.

В начале XIX в. одним из влиятельных феодальных владений Дагестана было Казикумухское ханство. Чтобы ослабить влияние Сурхай-хана, колониальная администрация в 1812 г. на части территории Казикумухского ханства образовала Кюринское ханство во главе с племянником Сурхай-хана Арслан-ханом (*Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р., 1964. С. 197*), а жители оказались под двойным гнетом – местных феодалов и царских властей. В период А.П. Ермолова и после него такие же процессы под разными предлогами происходили в Аварском, Мехтулинском, Дербентском ханствах, в Кайтагском уцмийстве и других феодальных владениях, которые были, прежде всего, направлены на укрепление российской колониальной власти.

Такая тактика колонизации Кавказа была выработана с самого начала и проводилась местным кавказским военным командованием под неослабным контролем императорского двора из Санкт-Петербурга. В инструкции Николая I главнокомандующему на Кавказе генералу Е.А. Головину отмечалось: «Я полагаю, что где мы встретили покорность, там полезно оставлять прежних владетелей... Но там, где нужно было проникнуть силою, тут предпочтительнее ставить наших чиновников из военных, самых надежных. Управлять не изменяя ни местных законов, ни обычаев, дань требовать только ту, которая получалась прежними владельцами и отнюдь не обременять жителей... Духовенству оказывать особое покровительство, лаская и наслаждая их и улучшая содержание». Но не все российские генералы и чиновники придерживались единого мнения. Так, генерал А.П. Ермолов отрицательно относился к правлению местных феодалов – ханов в Дагестане, считал первостепенной задачей ликвидацию ханств и введение в них русской администрации» (*Кипянина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В., 1984. С. 124*).

В письме к М.С. Воронцову от 24 февраля 1817 г. А.П. Ермолов писал: «Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального образования общества. Вот образец всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, уничтожающих человечество» (Письмо А.П. Ермолова Воронцову..., 1961. С. 307).

Политика взаимных уступок и соглашательства, проводимая дагестанскими феодалами и военным командованием российских колониальных войск, была взаимовыгодной. Местные феодалы при помощи и согласии российских войск сохраняли свои политические и экономические права. Более того, они получали возможность эксплуатировать рядовое крестьянство с новой выгодой от этого сотрудничества:

назначение пожизненных пенсий, ежегодных жалований, присвоение офицерских и чиновничьих званий, награждение орденами, ценными подарками, увеличение количества земель феодалов, укрепление власти над подвластным населением, пожалование в управление новых аулов и сел, подавление силой оружия выступлений крестьян.

С другой стороны, военное командование получало значительную помощь в деле силового покорения независимых союзов сельских общин и облегчало присоединение Дагестана, Чечни и других территорий в состав Российской империи.

Военное командование Российской империи на Кавказе по введению дагестанских ханств в состав империи обыкновенно давало в грамотах ханам (владельцам, а в их лице бекам) и в прокламациях народу обещания сохранить прежнее внутреннее управление присоединяемых провинций и оставить неизбылемыми прежние права как высшего сословия, так и всей массы населения.

Как отмечает Г.-А.Д. Даниялов, «Подобные государственные обязательства представляли не случайные явления, а сложившиеся политические методы колонизации в отношении покоряемых феодальных владений как единственное средство прочного присоединения их к России» (Даниялов Г.-А.Д., 1996. С. 26).

В этом отношении представляет интерес и точное наблюдение пристава Шамиля А. Руновского, который пишет: «...После покорения дагестанских племен мы не изменили существенно господствующую там вредную систему управления. Установленные там порядки не только не прекратили там тиранию владельцев, но и представили им власть управлять народами на прежних основаниях, еще укрепили там эту власть. Таким образом, горцы, смотревшие на русских как на своих избавителей, увидели себя горько обманутыми» (Руновский А., 1895. С. 80).

В период Кавказской войны Российская империя в лице местного военного командования старалась постепенно внедрить в Дагестане и Чечне на уровне сел, аулов и сельских общин и феодальных владений существовавшие в самой России крепостнические формы и методы управления.

Система управления и организация власти на горных, предгорных и равнинных территориях, занятых колониальными войсками с начала XIX в., была крайне жестокой и тяжелой для рядовых крестьян, джамаатов и сельских общин, которые оказались под двойным гнетом и произволом со стороны русских войск и местных феодалов, беков.

Об этом свидетельствуют обращения духовных особ, почетных лиц, беков и видных представителей обществ (Цунта, Гуниб, Богулал, Чамалал, Каралал, Анди, Гидатль, Келеб, Кахиб, Карах, Андалал, Хиндалал (оно же и Койсубо), Хунзах, Чечня, Салатавия, Акуша-Дарго, Цудахар и др.) в начале 1844 г. к генералам Гурко, Клюки фон Клюгенау о причинах перехода на сторону государства Шамиля и с требованием вывести войска из Дагестана (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа., 1959. С. 424–428).

Таких обращений среди опубликованных документов было пять, они примерно одинакового содержания. Для наглядности процитируем полностью одно из них, где отмечается: «По возникшим между нашими беками и управляющими лицами разногласиями и неудовольствиями, обиженная сторона пригласила вас в Дагестан и сама эта сторона сделалась предводителем и, таким образом, вы успели обмануть людей наших красноречием своим, уверяя нас, что государь ваш не притесняет и не обманывает никого, напротив того, словами вашими и беками, находящимися при вас, мы были обмануты и чрез этот обман, вы сделались над нами начальниками и влезли на голову нашего народа, обременяя нас несноснейшею тягостью, между тем, уплатою, которая следовала нам за повинности наши, воспользовались вы; с вашей стороны были определены над нами начальниками люди преданные вам, в бытность коих мы служили вам без вознаграждения. Сверх того, вами отняты были у нас места наши без согласия хозяев.

Словом, вы и назначенные от вас управляющие наполнили воздух между землею и небом притеснениями, так что для нас день превращен в ночь; в которой мы страдали долго по неимению другой защиты (выделено нами. – Авт.). Наконец, теперь, находя желаемого защитника, (имеется в виду имам Шамиль. – Авт.), мы уже проснулись со сна и находим вас неблаговерными, следовательно, должны вы оставить места наших мусульман и возвратиться на прежнее место своих неверных.

В противном случае мы божились великим богом в следующем: вести с вами войну до тех пор, пока вы отступите от наших земель. Могущество присвоено одному сердечному богу».

На обороте подлинного письма приложены пальцы и именные печати пятидесяти лиц (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа., 1959. С. 427).

Система управления и власти в феодальных владениях Дагестана представляла собой примерно однотипную и несложную государственно-политическую структуру, которая отличалась немногочисленностью институтов управления и власти. Все феодальные владетели имели определенный штат дворцовых служителей, которые выполняли исполнительные, законодательные и судебные функции, вытекающие из сущности самого феодального строя (ханство, шамхальство, султанство, уцмийство и т.д.). Каждое феодальное владение в лице феодала имело определенный корпус исполнителей в лице дворцовых визиров – министров, которые занимались ведением внутренних и внешних вопросов экономического, политического и правового содержания как внутри самого владения, так и в сношениях с другими феодальными образованиями Дагестана и сельскими общинами и их союзами.

Почти во всех дагестанских феодальных владениях визиры занимались внутренними экономическими вопросами (сбор налогов, наложение податей и повинностей и штрафов, заключение договоров, соглашений о порядке сдачи в аренду земель, пастбищ и других феодальных угодий, установление и сбор таможенных пошлин на границах феодального владения, организация торговли и установление пунктов для обмена товарами и налаживание различного рода промыслов, производств на территории

феодалного владения), а также политическими, военно-административными вопросами в границах феодалного владения. В разных феодалных владениях были и свои особенности.

Управление засулакскими владениями осуществлялось выборным советом князей, во главе которого стоял старший князь. В совет входили по одному представителю от каждой бекской фамилии. Решения, принятые советом, были обязательны для всех беков. В особо важных случаях собирались расширенные советы, на которые созывались все беки данного владения. Принятые там решения приводились в исполнение каждым в своем ауле (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 134).

В каждом из них выбирался один старший князь. Бывали случаи, когда два владения выбирали одного старшего князя. В 30–40-х гг. XVIII в. выходец из Эндирея Алиш Хамзаев был избран уллу-бием Эндиреевского и Костековского владений (*Акбиев А.С.*, 1998. С. 134).

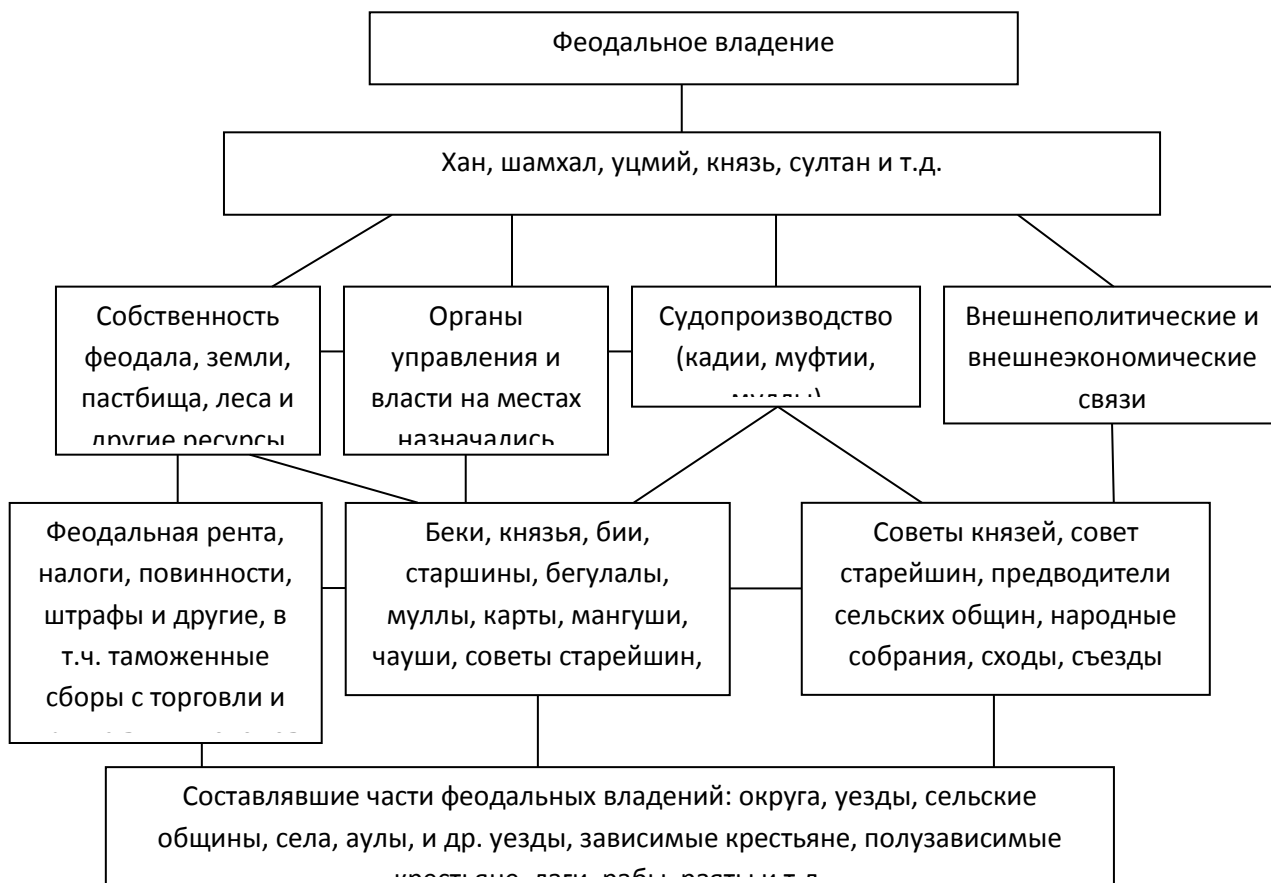
Беки, удельные князья имели в своих владениях неограниченные права, могли даже «определить казни преступникам». Удельные князья свои решения претворяли в жизнь с помощью вооруженных нукеров из своих узденей или сала-узденей (*Гаджиев С.Ш.*, 1961. С.134).

Социально-политическая система управления любого феодалного владения включала в себя феодала, институт его помощников, исполнителей. Это кадии, беки, муфтии, визиры, назеры, мурзы, дворецкие, руководители воинских подразделений ополчения – сотники, пятисотенные, городовые, сборщики налогов, казначеи, хранители и распределители доходов, конюшенные, стольники, виночерпии, осведомители-разведчики, контролеры-мухтасибы, дружинники-нукеры, выполнявшие полицейские функции, родственники ханов, шамхалов, уцмиев и султанов – сыновья, братья, племянники и другие близкие. Они образовывали важный институт управления в феодалных владениях со своими самостоятельными экономическими и политическими правами, в определенной степени ограниченными и зависимыми от феодалного владетеля.

Эти подразделения или структуры, бекства владели и управляли частью сел внутри феодалного владения, получали от них, т.е. своих подданных, налоги, подати и другие сборы, осуществляли на данной территории судебную-правовую и административную власть, создавали свои отряды нукеров, ополчение и другие военно-полицейские подразделения. Однако беки не имели права устанавливать и вести внешнеэкономические и внешнеполитические связи с другими феодалными владениями, государствами без разрешения или поручения феодалного владетеля.

Схема № 1

**Традиционные органы управления и власти
в феодальных владениях Дагестана
в XVIII веке до вмешательства Российской империи в дагестанские дела**

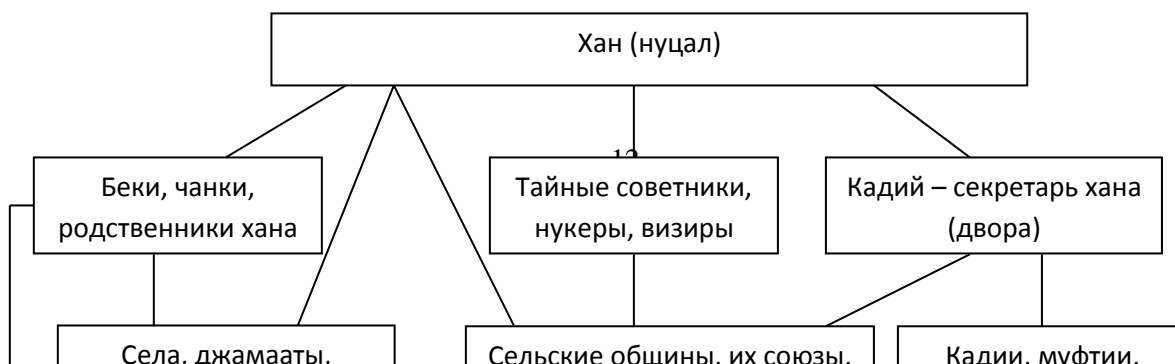
Каждое феодальное владение на территории Дагестана в XVIII – начале XIX в. имело свою собственную, сложившуюся издавна социально-политическую структуру управления и организации власти, основанную на феодальной собственности с характерными для него социально-правовыми и экономическими особенностями, функционирующими в течение десятилетий в данном феодальном владении. Примерно так выглядела социально-политическая структура власти и управления Аварского ханства в XVIII в. (Схема № 2).

Чтобы наглядно показать и анализировать сложившуюся в конце XVIII – начале XIX в. систему управления и организации власти в феодальных владениях Дагестана, остановимся на примере Аварского ханства. При этом отметим, что Аварское ханство в XVIII в. – одно из древнейших, крупнейших феодальных владений не только в Дагестане, но и на Северо-Восточном Кавказе.

Учитывая однотипность и определенное сходство социально-экономических процессов, происходивших почти во всех феодальных владениях Дагестана, подробно охарактеризуем социально-экономическое, политическое развитие самого крупного феодального владения, каковым было Аварское ханство, покажем процесс становления его органов управления и власти.

Схема № 2

**Примерная схема социально-политической структуры
Аварского ханства в XVIII веке до вмешательства Российской империи
в систему управление ханства**

—

—

Аварское ханство вместе с зависимыми от него сельскими общинами и их союзами занимало значительную часть (почти 40%) территории Дагестана. И здесь проживало более 1/3 численности населения Дагестана* [*Данные составлены автором на основе сведений из различных источников и собранных полевых материалов за 1991–2006 гг.].

Это единственное феодальное владение, которое полностью вошло в состав государства Имамат, начиная с 30-х–40-х гг. XIX в. и оставалось в нем до полного его уничтожения царскими войсками в 1859 г. В то же время в состав Имамата входили только отдельные части, территории других феодальных владений (села, аулы), притом в определенный период времени (к примеру, Казикумухское ханство) были в составе Имамата в течение двух месяцев 1842 г., часть территорий и сел шамхальства Тарковского, Мехтулинского ханства, Султанства Елисуйского – от двух до 10-ти и более лет, а союз сельских общин Акуша-Дарго – в период наивысшего развития и расширения территории Имамата Шамиля (конец 1843-го – первая половина 1844-го гг.).

Аварское ханство в прошлые века, будучи феодальным владением, в историческом процессе оказывало свое влияние на развитие сельских общин и феодальных владений (частично) на территории Чечни и Ингушетии, которые, в свою очередь, были тесно и неразрывно связаны со многими феодальными владениями, сельскими общинами и их союзами Дагестана (Тарковское шамхальство, Эндиреевское, Костековское, Аксаевское владения, союзы сельских общин Салатавия, Анди, Гумбет, Багвалал, Чамалал, Андалал, Аух и другие). В начале первой трети XIX в., когда имам Газимухаммад приступил к созданию основ государства Имамат, Чечня и Ингушетия выступили как единое целое вместе с дагестанскими обществами, а потом полностью, начиная с 1840 г., входили в государство Шамиля и оставались экономической и военно-политической основой Имамата до уничтожения силою русского оружия в 1859 г.

Аварское ханство имело более ранние и более развитые экономические, политические связи со всеми владениями и сельскими общинами как в Дагестане, так и за его пределами, особенно с соседними государствами (Грузией, с ханствами и владениями на территории Азербайджана, Чечней, Ингушетией) (*Айтберов Т.М.*, 2006).

По сведениям А. Берже, «Аварское ханство было расположено между землями Койсубулинцев, Гумбетовцев, Андийцев, Ункратлем, Андалалом и Мехтулинским ханством» (*Берже А.*, 1858. С. 264), а по данным Хрисанфа, оно граничило: «от востока с мехтулинцами и Дарго, к юго-востоку с казыкумыками, к юго-западу с джарцами, от северо-запада с Андию, бывшею данницей их, к западу с округами Тушь и Масук, обитающими в Черных горах и бывшими данниками аварских ханов, но отказавшиеся от платежа дани по смерти Умахана, а к северу с койсубулинцами, гумбетовцами» (*Хрисанф*, 1828. С. 269). Известный исследователь И.И. Гербер писал: «Аварский уезд» был «велик» и состоял во многих между горами лежащими деревнями... Над аварами имеется усмей (нуцал – Авт.), которого называют Авар-усмей, или усмей над аварами; имя его Уму-хан, только все авары под его властью стоят, ибо Аварская земля на несколько уездов разделена, из которых каждый уезд своего владельца имеет, а под послушанием усмея не стоят, но и ему подчинены» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 113).

Как верно заметил М.-С.К. Умаханов, последняя фраза свидетельствует о том, что «аварцы добровольно признавали власть хана и многие из них хотя и не хотели его слушаться, но были вынуждены подчиняться ему и платить налоги» (*Умаханов М.-С.К.*, 2008. С. 77).

По сведениям И.-Г. Гербера, Хрисанфа и многочисленным полевым материалам, собранным нами, Аварское ханство разделялось на военные округа и данники. Хрисанф отмечает, что все они

находились «под непосредственным управлением хана», который решает в народе и уголовные дела, тяжбы ж кадии, каковые имел каждый округ или уезд. Хунзахский же кадий сверх своих обязанностей исправляет и должность секретаря при хане, участвуя во всех важных советах вроде министра. Там же он подчеркивал, что военные округа «имеют правление народное» (*Хрисанф*, 1828. С. 269).

К концу XVIII в. в период правления Умахана Аварское ханство достигло большого влияния не только в Дагестане, но и на Кавказе. Как пишет А.А. Неверовский, «...располагая тогда огромными средствами, он вполне воспользовался своим положением и заставлял платить себе дань грузинского царя Ираклия, ханов Дербентского, Кубинского, Бакинского, Ширванского, Шекинского и пашу ахалцихского с тем условием, чтобы не причинить более вреда их владениям» (*Неверовский А.А.*, 1848. С. 34).

По сведениям А.А. Неверовского, сумма этой дани составляла 85 тысяч рублей серебром в год. «После этого, – писал Неверовский, – можно сказать без преувеличения, что ни одно владетельное лицо в Дагестане не достигло до той степени могущества, как Омар-хан Аварский» (*Неверовский А.А.*, 1848. С. 35). В этих и других источниках отмечается, что Умахан получал от грузинского царя Ираклия II, по одним данным, «12 тыс. руб.»; по другим, – «5 тыс., от хана карабахского – 15 тыс., от нухинского хана – 9 тыс., от дербентского и кубинского, бакинского и ширванского ханов – 20 тыс., от ахалцихского паши – 7 тыс. рублей серебром в год» (*Гаджиев В.Г.*, 1965. С. 32).

В состав Аварского ханства на относительно демократических условиях, сохраняя свою экономическую самостоятельность и территориальную целостность, входили несколько союзов сельских общин (вольные общества), состоявших, в основном, в полиэтническом плане из аваро-андо-цезских народов, чеченцев и других. По словам видного дагестанского ученого В.Г. Гаджиева, «От ханов Аварии были зависимы не только жители ханства, но и «вольные» общества, а также ряд приграничных с Дагестаном селений Чечни» (*Гаджиев В.Г.*, 1965. С. 32).

Как писал в 30-е гг. XIX в. П. Зубов, «Аварское ханство состояло из многих отдельных обществ: «Ичкеринского, Гумбетовского, Койсубулинского, Карталинского, Андийского, Дидойского, Анцухского, Кезерукского (Тлейсерух – Ю.Д.), Идатлинского (Гидатль. – Авт.), Мукратлинского и других... Всех же деревень около 270, а жителей с небольшим 100 тыс. душ мужского пола» (*Зубов П.*, 1835. Ч. 3. С. 205–206). Здесь П. Зубов допускает неточность, которую сразу же заметит специалист, занимающийся историей Дагестана: он перечисляет села, сельские общины, которые не входили в состав Хунзахского ханства, но выставляли своих вооруженных ополченцев в случае военной необходимости. Как пишет Х-М.О. Хашаев, «с течением времени Умма-хан стал распространять свое влияние на все общества Аварии. Одни из них находились в полной зависимости от него и платили подати, другие по его требованию выставляли войска для участия в различных походах» (*Хашаев Х.-М.О.*, 1967. С. 143).

Экономическую основу Аварского ханства составляли скотоводство, овцеводство, земледелие, садоводство, многие виды местных промыслов. Ханы взымали с зависимых обществ подати в виде конечных продуктов указанных отраслей, а их размеры зависели от основного занятия населения и экономических возможностей конкретного села или джамаата. Села, где возделывались зерновые культуры, вносили от 32 до 264 мерок пшеницы и проса, от 30 до 132 мерок ячменя, кукурузы, магара. С обществ, занимавшихся скотоводством, взымались до 600 и более голов овец и коз, а также шерсть, шали, паласы, ткани и другие изделия домашних промыслов. Селения и

общества, занимающиеся садоводством и огородничеством, вносили от 25 до 100 корзин винограда, от 25 до 40 мерок виноградного сока, по мерке чеснока, лука и других огородных и садовых культур. С отдельных обществ взималось по 90 и более мерок соли, несколько фунтов железа и др.

Данники выполняли также разные полевые и домашние работы: вспашку, жатву, обмолот, доставку сельскохозяйственных и скотоводческих продуктов. Кроме податей и повинностей, налагаемых на целые общества, ханы Аварии взимали феодальную ренту с каждого крестьянского дома. Подати были самые разные. Так, например, с жителей аула Хиндал – 60 белых, гладких, ровных посохов толщиной с указательный палец и длиной в 3 локтя (натI), и 60 желобов, и шесть мерок золы от дерева грецкого ореха, просеянной (через сито), ... с жителей аула Кванхидатль – 90 мерок соли (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа., 1959. С. 15–19).

По данным источников начала XIX в., в Аварии имелось 37 селений с 5895 свободными дворами и 160 селений с 14843 дворами, «дающими подать Нуцал-Хану» (Материалы по истории Дагестана и Чечни., 1940. С. 192–195). По данным А. Берже, «в том же 1828 г. 164 деревни или 120000 душ составляли данники хана Аварии. В пользу ханов шли также штрафы и пошлинные сборы. Ежегодный доход Аварского хана в конце XVIII в. доходил до 150 000 руб. (Берже А., 1858. С. 164).

По свидетельству Я. Костенецкого, «Авария была некогда самым сильнейшим в горах Лезгистана (Дагестана – Авт.) обществом – ханством. Она не только владела многими, теперь уже независимыми обществами, но была единственною повелительницею в этой части гор, и от ханов ее трепетали все соседи» (Костенецкий Я., 2011. С. 12).

Административно-территориальное устройство Аварского ханства, как и других феодальных владений Дагестана, было простым и доступным. Как отмечает Х.О. Хашаев: «аппарат управления ханством был несложен: хан имел нукеров, судью, тайного советника и секретаря двора» (Хашаев Х.О., 1967. С. 143). Р.М. Магомедов в своей фундаментальной работе, изданной раньше работы Х.О. Хашаева, пишет, что «Политическая организация класса аварских феодалов представляла собой феодальную иерархию. Во главе феодальной иерархии в ханстве стоял хан (нуцал). Отношения между ханом и беками строились на началах вассального подчинения». И далее Расул Магомедович совершенно правильно отмечает: «Все это понятно, и что именно так оно и было, – у нас нет никаких сомнений. Но как быть с узденскими джамаатами? Ведь ханство состояло не только из бекств, но и из узденских джамаатов, которые пользовались значительной автономией в своих управлениях. Интересно знать, в роли кого выступал хан по отношению к этим узденским джамаатам» (Магомедов Р.М., 1957. С. 108).

Эту тонкую и специфическую сторону социально-политической структуры Аварского ханства, по сравнению с другими феодальными владениями Дагестана, первым не только заметил, но и глубоко исследовал профессор Магомедов Расул Магомедович. Он первый отметил самостоятельность, независимость и простоту формирования и функционирования Хунзахского «бо». Все вопросы военного, политического, административного и судебно-правового управления и организации центральной ханской власти решались ханами и их наследниками.

«Ханы аварские, – писал А.А. Неверовский, – пользовались полною и неограниченною властью и, имея право жизни и смерти над своими подвластными, были всегда страшными деспотами» (Неверовский А.А., 1848. С. 19). Власть хана не была беспредельной, она была ограничена местом и ролью узденских общин в самом ханстве и союзами сельских общин, входившими

территориально в состав Хунзахского ханства. Тяжбы по духовным делам, завещаниям и т.д. разбирались по шариату хунзахским кадием, который «сверх своей обязанности исправляет и должность секретаря при хане, участвуя во всех военных советах вроде министра» (Материалы по истории Дагестана и Чечни., 1940. С. 191). Сам хан называл хунзахского кадия ближайшим своим визирем (АКАК. Т. IV. С. 608). В других источниках его называют шейх-уль-Исламом, который «в особо торжественных случаях восседал даже выше хана» (Материалы по истории Дагестана и Чечни., 1940. С. 34).

Как отмечает Р.М. Магомедов, специфика Аварского ханства заключалась в том, что оно «находилось в непосредственном окружении вольных обществ, и внутри самого ханства имелись узденские джамааты, во многом придерживающиеся порядка вольных обществ» (Магомедов Р.М., 1957. С. 109).

Чем пристальнее ученый изучал общественно-экономический и социально-политический строй феодальных владений Дагестана, тем интересней представлялись особенности функционирования, трансформации власти и органов управления, изменение и развитие их специфических сторон, имевших огромное научное и практическое значение. Через 37 лет, после выхода фундаментальной работы «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков» в своей очередной работе, написанной в соавторстве с сыном А.Р. Магомедовым и вышедшей в 1994 г. (История Дагестана. Махачкала), Р.М. Магомедов отмечает: «Без согласия хунзахского джамаата и его почтенных людей хан ничего не мог предпринять. Мир, война, союз – все зависело от народа. Хан, даже когда предпринимал набеги, вынужден был согласовывать свои действия с уважаемыми людьми узденских джамаатов, головами союзов вольных обществ» (Магомедов Р.М., Магомедов А.Р., 1994. С. 195).

С этим можно сравнить и утверждение командующего царскими войсками на Северо-Восточном Кавказе Р.Ф. Розена, который отмечает: «Без народных собраний и совещаний, на оных хан сам ничего собою не может предпринять, все зависит от народа – мир, война, союз! Из всего следует, что правление в Аварии народное» (Розен Р.Ф., 1958. С. 291).

Особенностью Аварского ханства было и то, что узденские джамааты, союзы сельских общин, территориально входящие в состав Аварского ханства и расположенные вокруг него, оказывали на хана свое давление. Хан ничего не мог предпринять без поддержки Хунзахского джамаата. Хунзах был могуч, сам выступал в роли коллективного феодала и мог вступить в соглашение самостоятельно (Магомедов Р.М., Магомедов А.Р., 1994. С. 196).

Политические функции выполняли дружинники хана, составлявшие в мирное время вооруженные отряды. В военное время по призыву хана собирались в ополчение беки, чанки и уздени всего ханства. Во время войны аварский хан собирал 30–40 тыс. человек вооруженных ополченцев (Материалы по истории Дагестана и Чечни., 1940. С. 192).

В Аварском ханстве, как видно из анализа архивных и опубликованных работ, разных источников, полевых исследований дагестанских ученых, не было единой системы административно-территориального разделения в пределах территории всего ханства. Часть территории ханства делилась на военные округа, другая часть делилась на бекства, третья часть находилась под управлением самостоятельных сельских общин и их союзов, были отдельные села, имеющие статус самостоятельных и независимых органов. Все эти различия предопределяли, соответственно, и разные формы административного деления территорий, разные структуры и статусы органов власти и управления на местах. В результате в Аварском

ханстве сложилось относительно демократичное, специфическое местное самоуправление, которое максимально было учтено имамом Шамилем и его сподвижниками при создании органов власти и управления Имамата с 1834 по 1859 гг. Все плюсы и минусы управления на местах, сложившиеся веками в ходе исторического развития на территории Аварского ханства, имам Шамиль учитывал при изменении форм собственности на ханские и бекские земли (пастбища, сенокосы, лесные ресурсы, пашни и др.), т.е. в создании байтулмала, т.е. экономической базы своего государства. При этом, с одной стороны, он старался максимально сохранить сложившиеся формы и структуры управления и организации власти с учетом специфики каждой отдельной территории, бекства, джамаата и сельской общины и в то же время, с другой стороны, – как можно максимально унифицировать структуру и механизм организации власти и управления на местах. Имам Шамиль и его сподвижники, среди которых было немало выходцев из Хунзахского ханства, с осторожностью относились к проведению административного деления территории на мудирства, наибства, участки, сельские общины, к назначению наибов, муфтиев, старшин, кадиев, дибиров, мухтасибов, сотников и в то же время – к сохранению существовавших ранее границ сельских общин и т.д.

Публичную власть на территории ханства непосредственно на местах осуществляли старшины – чухби, адилзаби («блюстители порядка»), «справедливые люди». Политические функции, сбор податей, взимание штрафов и другие операции осуществляли мангуши, эл, чауши и др. Лица местной администрации в одних местах «выбирались», в других – назначались ханами. Но в обоих случаях они подчинялись хану. В ауле Ахалчи и других, например, во главе общества стоял утвержденный ханом «росдал кудияв», т.е. сельский староста. Помощниками «росдал кудиява» были четыре чухби. Они разбирали дела по адату, устанавливали размеры штрафа и другие наказания за то или иное правонарушение. Но «росдал кудияв» мог отменить по своему усмотрению любое их постановление, он также следил за исправной выплатой магала и осуществлял роль ханского приказчика в селении. Эл или мангуш в селении исполняли полицейские обязанности. Таким образом, мы можем заверить, что в то время подвластные хану или беку джамааты сохраняли свое старое устройство, свои адаты. Что касается адатов, то они были сильно урезаны вмешательством хана и бека» (*Магомедов Р.Г.*, 1957. С. 113).

Большую роль в системе органов власти и управления как в Центре (в данном случае, в Хунзахе), так и на местах Аварского ханства играл сложившийся в течение длительного периода институт духовенства (кадии, муфтии, дибирь, муллы и их помощники). В источниках отмечается, что все духовные вопросы и тяжбы, подлежащие рассмотрению по шариату, разбирали кадии, дибирь, муфтии, муллы, каковых имел каждый округ или уезд. Они следили за точным исполнением требований ислама, регулярным посещением мечетей, исполнением намаза. Духовенство в целом было многочисленным, более состоятельным в экономическом отношении прослойкой общества, так как получало плату за свою службу как в денежном, так и в материальном измерении, продуктами. Оно получало так же значительные доходы от вакуфной собственности (мечетской) и присваивало значительную часть закята (*Хашаев Х.О.*, 1967. С. 156–157). И не удивительно, какое огромное внимание уделял имам Шамиль институту духовенства, кадиям, муфтиям, муллам и их помощникам при создании системы управления и органов местной власти своего государства.

Наиболее важные вопросы духовенство выносило на обсуждение сельских собраний, сходов и на заседания советов сельских общин и джамаатов. Старшины, мангуши, адилзаби, чухби, чауши представляли светское управление, вместе с которыми многочисленные кадии, дибирь, муллы, будуны представляли духовенство на самом низком уровне сельского управления.

Светские представители местной власти и духовенство было основой всей системы власти и управления на уровне сел, сельских общин и джамаатов. Уровень ее развития в различных феодальных образованиях соответствовал уровню социально-экономического, политического развития того или иного владения, конкретной ее части, специфике сложившихся и традиционных институтов управления и власти как в самом владении, так и в соседних обществах, джамаатах, а также в феодальных владениях Дагестана и других регионов.

ЛИТЕРАТУРА

Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. (гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-Восточного Кавказа). Махачкала, 2006. – 94 с.

Письмо Султан Ахмедхана к генералу Торماسову, от 13-го джемади ус-сани 1224 (1809) года // АКАК. Тифлис: Типография Главного Управления наместника Кавказа, 1870. Т. IV.

Акбиев А.С. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1998. – 154 с.

Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана. XVIII – первая половина XIX вв. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – 378 с.

Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана // Кавказский календарь на 1859 г. Тифлис: Типография Главного Управления наместника Кавказа, 1858.

Боденишедт Ф. Народы Кавказа и их освободительные войны против русских. Махачкала: Библиотека фонда Шамиля, 1996. – 39 с.

Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. –391 с.

Гаджиева С.Ш. Кумыки. М.: Дагкнигоиздат, 1961. –387 с.

Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. М.: Наука, 1958.

Даниялов Г.-А.Д. Имамы Дагестана. Махачкала: АЗОТ. Издательско-полиграфическое объединение «Юпитер», 1996. – 225 с.

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX века. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. –785 с.

Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных земель. СПб., 1835. Ч. 3. –268 с.

Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2006. – 520 с.

Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М.: Изд. МГУ, 1984. – 328 с.

Костенецкий Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе в 1837 г. СПб., 1851; Махачкала: Изд-во Дагестанского центра гуманитарных исследований им. имама Шамиля. Библиотека журнала «Ахульго», 2011. –178 с.

Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестан в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. –48 с.

Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. –271 с.

Материалы по истории Дагестана и Чечни. 1801–1839 гг. Т. III. Ч.1. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1940. – 471 с.

Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. – 42 с.

Письмо А.П. Ермолова Воронцову // Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1961. – 398 с.

Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала: ДагФАН СССР ИИЯЛ, 1964. – 278 с.

Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. СПб., 1858.

Руновский А. Мюридизм и газават в Дагестане по объяснению Шамиля. Военный сборник. Т. 5. СПб., 1859.

Умаханов М-С.К. Феодалные владения Дагестан XVIII – начале XIX в. и их взаимосвязи. (Экономический аспект). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. – 255 с.

Хашаев Х-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР, 1967. – 262 с.

Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве 1828 г. // ИГЭД. М., 1958.